

СОНЕТ П.Б.ШЕЛЛИ "ОЗИМАНДИЯ" В
ПЕРЕВОДЕ В.Я.БРЮСОВА

Перси Б. Шелли* не принадлежал к числу поэтов, особенно часто переводимых В. Брюсовым. Из всего творчества великого английского поэта лишь одно произведение - "Озимандия" - было переведено Брюсовым. "Отшельник из Марло"', как называли Шелли современники, написал этот сонет в 1817г. в связи с опубликованным сообщением о находке в Египте обломка статуи с именем царя Озимандия''' и поместил его в газете "Экзаминер" в 1819 году, который считается самым плодотворным в жизни Шелли. Нельзя сказать, что больше повлияло на творчество поэта - встреча ли с Байроном, самоубийство ли первой жены или смерти дочери, сына и, затем, любимой кузины, но некоторые из

*Перси Биши Шелли родился 4-го августа 1792 г. в семье деревенского джентльмена, где никто не проявлял признаков литературного гения. В 1802 г. поступил в академию Сион Хауз, а 1804 г. перешел в Итон. В силу своей замкнутости, не имея возможности общаться со своими сверстниками, Шелли читал классиков, восхищался красотой их поэзии, изучал философию. Именно в Итоне окончательно сформировался поэт Шелли: справедливый, мудрый, свободный от злых помыслов, всеми силами служивший духовной красоте. В 1810г. Шелли был внесен в списки студентов в University College в Оксфорде, откуда вскоре был отчислен за памфлет "Необходимость атеизма". Вскоре, женившись на Гарриет Вестбрук, он начал свои многочисленные переезды: из Лондона в Йорк, затем в Кесвик, Дублин, Уэльс, все время неустанно работая как на литературном поприще, так и занимаясь общественно-политическими делами. Вскоре, порвав свои отношения с Гарриет, он бежал в Швейцарию к Мэри Годвин, дочьерью своего ближайшего друга, а оттуда переселился в Италию. Шелли умер в 1821 г. - утонул близ Ливорно, катаясь на лодке со своим другом Уильямсом. Тело его смогли распознать по тому Софокла и поэме Кинеса, найденным в кармане. (см Э. Дауден "Очерк жизни Шелли". в книге Перси Биши Шелли "Великий дух", М.1988, стр.22).

''город, расположенный на реке Темза, недалеко от Лондона, где Шелли жил в 1817г.

'''Согласно Диодору Сикулусу, греч. историку 1 в. до н.э., Озимандия — это греческое имя Рамсеса Второго (13в. до н.э.).

своих лучших работ ("Ченчи", "Питер Бель III", "Маскарад анархии", "Песнь западному ветру", перевод драмы Еврипида "Циклопы") Шелли написал именно в том году.

Сонет "Озимандия" тематически тесно связан с собственным творчеством В. Брюсова (стихотворения "Ассаргадон", "Рамсес", I, 144-146, "Египетский раб" II, 69). В статье "Об одной частной черте поэтики В.Я.Брюсова" Д.А.Тухарели и М.Д.Тухарели мы находим: "Сам В.Брюсов утверждал, что ряд его произведений навеян произведениями других писателей. Так, ... "Рамсес" (судя по положению автографа в тетради стихотворений оно было написано между 18 и 23 сентября 1899, - К.Б.) навеян сонетом П.Шелли "Озимандия" ("Брюсовские чтения 1986г.", стр. 88).

Поэт несколько раз обращался к переводу данного сонета. Подстрочный перевод был сделан не позднее 1909г. на обороте письма на бланке "Весов". В нашей статье предлагается анализ четвертого варианта перевода, сделанный в 1916 году.

Выше уже было отмечено, что Шелли не относился к тем зарубежным поэтам, которых Брюсов много и увлеченно переводил, но последний, будучи признанным литературным критиком, проявлял непосредственный интерес как к творчеству английского поэта, так и к переводам его произведений на русский язык. В связи с этим, он неоднократно высказывался и о трудах К. Бальмонта, как переводчика Шелли. В рецензии на работу К. Бальмонта "Революционная поэзия Европы и Америки", Брюсов пишет: "С сожалением должен сказать, что не считаю книгу К. Бальмонта отвечающей какой-либо литературной цели. Что Шелли сознавал социальные и политические неправды своего времени, это бесспорно. Что такое сознание отражалось в его стихах, это также верно. Но составить понятие об этой стороне

---

*В дальнейшем все ссылки на произведения В. Брюсова даются по: В.Я.Брюсов. Собр. соч. в 7-ми томах, М. 1973-1975, с указанием в скобках тома (римская цифра) и страницы (арабская).

деятельности Шелли можно только из изучения в целом и его произведений, и его биографии. "Революционным поэтом" в точном смысле слова, Шелли не был, и совсем не в том сила и красота его поэзии. Чтобы составить свой сборник, К. Бальмонту пришлось включить в него стихи, лишь очень условно имеющие отношение к революции, например те, где говорится о "свободе" ветра — "Песнь западному ветру", а так же отрывки поэм или ... стихи, ... проникнутые вовсе не революционным настроением ... О поэзии Шелли книжка понятия не дает, так как в ней нет лучших его произведений; не дает и революционного настроения, так как высказываемые в ней идеи весьма общи и неопределенны (а частью и противоречивы). В лучшем случае неподготовленный читатель может заключить: "английский поэт Шелли тоже иногда, сочувствовал, *кажется* (выделено Брюсовым-К.Б.) революции". Добавлю, что самые переводы Бальмонта считаю далеко не безукоризненными. Все это заставляет меня признать издание книжки излишним".⁴

И хотя невозможно обвинить Бальмонта в незнании биографии или творчества Шелли, приходится признать, что Брюсов был прав, когда в своей знаменитой статье "Фиалки в тигеле" писал: "К. Бальмонт почти исключительно занят передачей *размера* (подчеркнуто Брюсовым) подлинника и совсем, например, пренебрегает стилем автора, переводя и Шелли, и Эдгара По, и Бодлера одним и тем же, в сущности, бальмонттовским языком" (VI, 106).

Брюсов, хорошо знакомый с творчеством английского поэта, часто его цитировал в своих работах. В одном из писем к А.А.Курсинскому (от 22 ноября 1896г.) Брюсов, излагая свои переводческие принципы, неточно цитирует строки из поэмы Шелли "Эпипсихидион" в переводе Бальмонта. И поэму и ее

⁴см. Рецензии: Шелли — Рюрик Рок. От Рюрика чтения публ. А. Новикова и Д. Субботина — Литературная Россия, 1963, N51, 20 дек.

перевод Брюсов оценил весьма высоко'.

Вышеупомянутая статья начинается словами из трактата Шелли "В защиту поэзии": "Стремиться передать создания поэта с одного языка на другой — это то же самое, как если бы мы бросили в тигель фиалку, с целью открыть основной принцип ее красок и запаха. Растение должно возникнуть вновь из собственного семени, или оно не даст цветка, - в этом-то и заключается тяжесть проклятия вавилонского смешения языков" (VI, 103).

В данной работе мы хотим показать насколько удалось Брюсову выполнить основную задачу, которую ставит перед собой тот, кто "... задумал переводить стихи", а именно "разложить фиалку в тигеле на основные элементы и потом из этих элементов создать вновь фиалку" (там же).

Будучи высокообразованным человеком, гениальным поэтом и прозаиком, свободно владеющим несколькими языками крупнейшим переводчиком, для которого было намного важнее сохранить смысл и образы переводимых произведений, чем рифму в них, Брюсов также являлся одним из "выдающихся русских сонетистов", по определению Герасимова**.

Ниже приводим тексты произведения в оригинале и переводе.

I met a traveler from an antique land
Who said: Two vast and trunkless legs of stone
Stand in the desert. Near them, on the sand,
Half sunk, a shattered visage lies, whose frown,
And wrinkled lip, and sneer of cold command,
Tell that its sculptor well those passions read
Which yet survive, stamped on these lifeless things,

---

*В. Брюсов и его корреспонденты, М. 1991, кн.1, стр.329(Литературное наследство, т. 98).

**См. В книге В. Брюсов "Проблемы мастерства". Ставрополь, 1983, стр. 34.

The hand that mocked them and the heart that fed;
And on the pedestal these words appear:
"My name is Ozimandias, King of Kings:
Look on my works, ye Mighty, and despair!"
Nothing beside remains. Round the decay
Of that colossal work, boundless and bare
The lone and level sands stretch far away.*

Мне путник встретился, из древних стран прибывший.
"В пустыне, - он сказал, - две каменных ноги
Стоят, а подле них обломок, сохранивший
Черты лица, лежит, зарывшийся в пески.

Чело и складка губ, изогнутых надменно,
Гласят, что их творец знал глубь страстей и дум
(Что пережили ряд столетий в груди тленной),
Ту руку двигавших, тот направлявших ум.

На пьедестале есть еще слова: "Склоняйтесь!
Се-Озимандия, кто назван Царь Царей.
Мои дела, цари, узрите — и отчайтесь!"

Нет больше ничего. Вокруг больших камней
Безбрежность, пустота, и тянутся далеко
Лишь ровные пески, куда ни глянет око.

Основная мысль произведения заключается в том, что жизнь не вечна и все преходяще в этом мире. Шелли-атеист верил в человека, в его мужество и силу, в его поступки и свершения, память о которых и остается после смерти. Только ценивший жизнь и личную свободу больше всего, мог написать

---

*Shelley. The complete Poetical Works of Shelley. Edited by George Edward Woodberry the Liberside Press. Cambridge, 1901, p. 356

величайший романтик, тонко чувствовавший человеческую душу, эти строки. Аллюзии из стихотворения Шелли можно найти и у Брюсова, в "Рамсесе":

По бездорожьям царственной пустыни,
Изнемогая жаждой я блуждал. (I, 145)

И ниже:

И, встретив памятник, в песках забытых,...

... ..

Нащупал надпись я на камнях тех:...

- Кто ты, воитель дерзкий? Дух тревожный?
Ты — Озимандия? Ассаргадон? Рамсес? (I, 145)

В. Брюсов со всею возможною точностью (насколько эта точность уместна, чтобы не испортить легкость и плавность произведения) следует оригиналу.

Переводчик самовольно разбил оригинал на два катрена и два терцета, дабы приблизить его к русскому стихосложению. Схематично, это выглядит так:

У Шелли: октава + секстет   У Брюсова: 2 катрена + 2 терцета

a b a b

а б а б

a c d c

а б а б

e d e

в г в

f e f

г д г

Брюсов использовал вместо пятистопного ямба, который характерен для английского сонета, шестистопный, где двухсложные клаузулы первого, третьего, пятого, седьмого, девятого, одиннадцатого и тринадцатого стихов сменяются односложной клаузулой соответственно во втором четвертом, шестом, восьмом, десятом, двенадцатом и четырнадцатом стихах.

Как и Шелли, Брюсов в первом катрене использовал перекрестную рифмовку (а б а б) с чередованием женской и мужской рифмы. Сравним:

land-sand

прибывший-сохранивший

stone-frown

ноги-пески

Обязательное, по Герасимову, наличие "разнородных рифм в последней строке второго катрена и первой первого терцета" соблюдено и Шелли (*fed-appeat*) и Брюсовым (ум-склоняйтесь).

Не соблюдена переводчиком структурно-семантическая организация стихотворения: вместо четырех предложений оригинала в переводе появились восемь. Это объясняется различиями в синтаксисе английского и русского языков. К этому стоит добавить, что переводчик также не везде сохранил синтаксические конструкции и пунктуационные знаки оригинала. Если бы Брюсов перевел десятый стих "My name is Ozimandias, King of Kings" как "меня зовут Озимандия, король королей", это выглядело бы смешно, и непозитично. Тире здесь акцентирует внимание читателя на имени царя. Тем самым читатель ощущает все величие давно умершего владыки, чем, по нашему мнению, и обоснован выбор переводчиком архаического "Се — Озимандия, кто назван Царь Царей" (сравним с переводом К. Бальмонта того же стиха: "Я — Озимандия, я — мощный царь царей!"

В. Брюсов ищет более выразительный вариант перевода, чтоб передать дух прошлого. Один из вариантов у Брюсова был:

"Склоняйтесь!

Мне, Озимандии, название — царь царей".**

К тому же по-видимому, на такой вариант перевода натолкнуло Брюсова использование Шелли архаического "Ye Mighty" в следующем стихе, который на этот раз Брюсов заменил простым обращением "цари", обобщая всех последующих властителей мира. Брюсову удалось сохранить отличительную стилистическую приподнятость всего произведения, используя и другие архаические славянизмы: чело, подле, гласят, глубь, дум, око.

---

*Перси Биши Шелли "Великий дух" М, 1998, стр. 94.

**См. в сборнике "Торжественный привет", стихи зарубежных писателей в переводе В. Брюсова, М. "Прогресс", 1977. стр. 311.

Величественность царя Озимандия Брюсов подчеркивает и сохранением повелительных конструкций "Отчайтесь", "Узрите" и внесением своих: "Склоняйтесь!", которые придают стихотворению особую пафосность, заставляя преклонить голову перед могуществом этой бездыханной статуи, этой тленной груды. И этим оправдано использование Брюсовым: "Чело и складка губ, изогну-тых *надменно*" (выделено мною -К. Б.) вместо "And wrinkled lip, and sneer of cold command" Шелли. Переводчик достиг поэтичности стихотворения заменой общеупотребительной бытовой лексики (взгляд, скульптор, питавших) на более высокопарную (чело, творца, направлявших).

Оставаясь верным своим принципам перевода: насколько возможно придерживаться оригинала, Брюсов внес только четыре фразы: *прибывший* в первом стихе, *обломок, сохранивший черты, глубь страстей и дум* в VI стихе и далее *столетий*.

Сильное, по своему воздействию на читателя "trunkless" (без туловища) Шелли, переводчик опустил*, хотя данный эпитет раскрывает всю глубину чувств человека, который соприкасается с настоящим шедевром искусства, и даже в "полузатопленном вдребезги разбитом лице" может прочесть всю глубину "тех страстей", которые вложил в это лицо скульптор давным-давно. Совершенно совпадают по своей экспрессивной окраске перевод последних трех стихов: спокойный, как бы смиренный тон, избранный Шелли, чувствуется и у Брюсова, особо подчеркнутый словом "пустота" и заменой "far away" на более близкое русскому читателю "куда ни глянет око", для изображения всей силы одиночества, которую можно почувствовать только в пустыне. (Эта мысль прослеживается и в стихотворении В. Брюсова, чей герой "... вождь земных царей и царь Ассаргадон, ... на костях врагов ...", воздвигший "... свой мощный трон", не видевший

---

*Хотя в одном из вариантов (см. в сборнике "Торжественный привет") у Брюсова "...Стоят без остова;..."

себе равных нигде, достигнув зенита своей славы, остался "один, величьем упоен" (I, 144).

Недостатком перевода здесь является пропуск слова "decay". Для Шелли важно, чтобы поступки и великие дела не предавались забвению, а продолжали жить и впоследствии. У Брюсова эта концепция передана только в начале терцины: "Нет больше ничего".

В целом Брюсов дает перевод точный, иногда воспроизведя оригинал с разной степенью адекватности, заставив читателя ощутить всю прелесть поэтического языка Шелли. Ведь, как писал Ю. Д. Левин: "...любой перевод, сколь бы он ни был близок и точен, являет собой переработку оригинала".**В то же время перевод, как и оригинал, позволяет читателю мысленно оказаться в далекой, безбрежной пустыне, наедине с огромным бесформенным камнем. А это и есть "идеальный перевод", который, словами А. Саутера "...должен вызывать у наших читателей эффект, близкий к эффекту, который вызывал оригинал у его читателей".***

---

*Впрочем, это важно и для Брюсова. Ведь в стихотворении Рамсес (I, 145-146) он пишет:

"Мне о забвеньи говорят, о, смех!
Векам вещают обо мне мои победы!",

подтверждая эту мысль и в стихотворении "Египетский раб" (II, 69):

"Меня с лица земли века сотрут, как плесень;
но не исчезнет след упорного труда".

**Ю. Д. Левин "Русские поэты переводчики XIX в." Л., 1985, стр 6.

***Souter A. Hints on translation from Latin into English. London. 1920 Society for Promoting Christian Knowledge., p. 7.